

Джеймс Дублин

**Трудовые
будни**

Барышни-попаданки

Трудовые будни барышни-попаданки

Джейд Дэвлин

**Трудовые будни
барышни-попаданки**

«Джейд Дэвлин»

2023

Джейд Дэвлин

Трудовые будни барышни-попаданки / Джейд Дэвлин — «Джейд Дэвлин», 2023 — (Трудовые будни барышни-попаданки)

У кого-то после попадания сказка, принцы, драконы и приключения. А у меня одни сплошные трудовые будни, ну что ты скажешь! 19 век, самое начало. Хозяйство, прогрессорство, крестьянский быт, хорошо хоть, не в крепостную попала.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	30
Глава 12	32
Глава 13	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Джейд Дэвлин

Трудовые будни барышни-попаданки

Пролог

Эмма Марковна вышла на веранду и позвала:

– Друг мой, время ужина. Может, хватит на сегодня работать?

Из мастерской мужа не донеслось ни звука. В теплице на другом конце дачного участка тоже было тихо. На запруду с соседскими детьми ушел? Михаил Федорович мог. Хотя врачи не рекомендовали. С его сердцем и по такой жаре в пруд с ключевой водой – опасно. Но поди внуши это мужчине! Он всю жизнь был здоров как бык, остер умом и спортивен. А плавать в холодной воде и вовсе обожал. Отчасти профессия обязывала. Как человек старой закалки, Михаил Федорович Головин считал, что следователь прокуратуры должен хорошо работать головой, ногами и кулаками.

– Как мальчишка, убежал потихоньку, пока я занята, – с легкой сердитостью вздохнула Эмма Марковна, сняла фартук, аккуратно повесила его на перила и сошла с крыльца.

Запруда находилась в двух шагах от дачи. Она вышла через заднюю калитку и поспешила по тропинке через черемуховые заросли на звук веселого детского смеха и мужского залихватского уханья. Не то чтобы ей так хотелось поймать мужа на горячем (если быть точной – на холодном) деле. Но она беспокоилась и предпочитала присмотреть, чтобы ничего не случилось.

Увы, ее беспокойство оказалось не напрасным. Поначалу-то немолодая женщина решила, что зря всполошилась. Запруда, мостки, не так уж и жарко, дело к вечеру. И муж не купается, а сидит и о чем-то разговаривает с ребятишками. Но вот совсем недалеко показалась маленькая лодочка. Ох, да это даже и не лодка! Это таз! В котором двое малышей решили пуститься в водное путешествие. Ох ты ж, пострелята! Не дай бог, перевернутся, от берега далеко отплыли!

Испуг словно притянул беду. Раздался громкий всплеск, таз остался на поверхности, а два мелких хулигана лет пяти канули в глубину как топорики.

Михаил Федорович после короткого разбега лихо сиганул с мостков прямо в середину пруда. И скрылся под водой. Одна секунда... Десять... Полминуты... Минута...

– О господи... Дети! Мишенька! – Эмма Марковна застала сам момент прыжка и вспомнила, что у Михаила Федоровича иногда прихватывает сердце от холодного, а в пруду бьют ледяные ключи.

– Живо домой, вызывайте скорую, зовите взрослых! – крикнула она перепуганным соседским мальчишкам, уже пробегая по мосткам и бросаясь в холодную воду как была – в домашнем халате. Главное – вытащить Михаила Федоровича и детей из воды, а там скорой дожидаться!

Холодные ключи били со дна, их прозрачные струи, как руки, ухватили пожилую женщину за щиколотки, за талию, за плечи. И с неожиданной силой потащили на дно. Она отчаянно забилась, вглядываясь в зеленоватую глубину. Успела заметить мелькнувшую там тень, такую же извивающуюся, словно в щупальцах осьминога.

А затем сознание померкло.

Глава 1

Эмма Марковна Шторм

Неужели на дне бывает так светло?

Неважно, бывает или нет. Мне сейчас нужен воздух. Значит, надо наверх, к свету... Где Миша? Где дети? Я точно видела, что это соседская Танечка и ее шепутной брат-близнец Костя.

Буль-буль, фыр-р-р, фыр-р-р!

Всплыла я вовремя, еще пара секунд – и началась бы асфиксия. Или уже началась – не помню, как оказалась в этом водоеме. Что-то вспоминается. Но сначала надо отфыркаться, отплеваться и ощутить твердь под ногами. И найти своих!

Свои нашлись. Совсем рядом кто-то отчаянно барахтался. Разглядеть, кто это, я не могла, просто в пару гребков добралась и схватила. Сейчас вытащу...

Ага, шаз! Тут бы на плаву удержаться поначалу. Это точно не Мишенька, тот знает, как вести себя на воде. И для ребенка великоват... Ох, сейчас меня саму утопят! А на мне еще надето непонятно что. Но это точно не мой легонький летний халатик, который я надевала только на даче, когда готовила. То ли длинная ночнушка, то ли платье.

Пришлось вспоминать технику спасения на водах, рывнуть на утопленника и, подцепив его за шиворот, потащить к берегу... незнакомому берегу и продолжать думать, как я тут оказалась. Слава богу, буксируемый объект тоже отфыркался, отплевался и начал дрыгать руками-ногами, облегчая мою задачу.

Что за плезиозавры на нашем пути? Самые обычные гуси. Надеюсь, они не собираются защищать свою территорию. Но птицы предпочли лениво свернуть в сторону. Так неторопливо, что я разглядела нитку водоросли на одной из лапок. Явно не дикие.

Вот и долгожданная твердь, хоть и илистая. Странно, вокруг пустынный берег, ни следа человеческого жилья. Только где-то в стороне виднеется нечто, похожее на кривой бревенчатый мост. А рядом со мной девчонка в мокрой рубашке до пят, синяя от холода и ужаса. Никак не пятилетняя!

– Барыня... – Девчонка кашляла и тряслась. И бормотала чушь. Какая еще барыня? Ох, грехи наши...

Зеркал даже в самых современных парках не водится. Значит, воспользуюсь водной гладью.

Я обернулась к воде, чтобы взглянуть на себя...

Что это?! Дайте другое зеркало! Или другую воду! Или другую меня!

Ладно, дождусь и найду где-нибудь настоящее зеркало. Может, неровная рябь на воде просто искажает мой облик. Или мозги от нехватки воздуха.

Сделав еще несколько шагов – я неожиданно здорово замерзла, хотя еще пару минут назад было очень жаркое лето, – выбралась на топкий бережок, вытащила следом недоутопленную и поняла, что на мне надето тяжелое суконное платье какого-то исключительно дореволюционного покроя. А поверх него штука, какую я видела только на картинках в исторических книгах, – теплый капот. С завязками. А на голове настоящая мокрая шляпка.

– Барышня! Барышня! Слава богу, живая! Барышня!

Громкий крик заставил меня резко обернуться, поскользнуться и шлепнуться в топкую грязь. От кривого мостика в мою сторону косолапо бежал здоровенный мужик, заросший бородой по самые глаза. «Мужик» – это не только половая принадлежность, это еще и характеристика его внешнего облика. Потому как человек был в лаптях, серой холщовой рубаше и таких же штанах, а на голове у него был войлочный колпак, похожий на те, которые мы с мужем надевали в бане.

Муж! Мишенька...

Я забыла про мужика и снова посмотрела на воду, из которой выбралась. Это был вовсе не пруд. Вынырнула я в реке, не слишком широкой и по берегам заросшей камышом. Где-то рядом гоготали гуси, шумел ветер в одинокой березе. Ни следа мостков, черемуховых зарослей и дачных крыш за ними.

И ни следа моего мужа.

– Где мой муж? – спросила я подбежавшего мужика – кроме него, спрашивать тут было некого.

Мужик удивленно взглянул на меня. Потом чуть сдвинул головной убор, почесал в затылке. Казалось, эта манипуляция его перезагрузила, и мужик торопливо сказал:

– Найдется он, Эмма, сталбыть, Марковна, вот вам крест, найдется он. Вы-то живы, вот хорошо. А это кто еще?! Эй, девка! Отвечай! Ты чья?

Но девчонка в ответ только затряслась еще сильнее и окончательно обвисла у меня в руках.

– Вот что, все вопросы потом. Пошли-ка... куда-нибудь, где тепло и можно переодеться, – скомандовала я. И уже утопленнице: – Ну же, милая, потерпи немного, я тебя не донесу, шевели ногами!

Мужик только перекрестился, забрал у меня девчонку, закинул ее руку себе на плечо и зашагал к мостику. Вел он ее с деликатностью детсадовской воспиталки: идем-идем, деточка, а не хочешь, так потащу. А на меня несколько ошалело оглядывался.

Насчет мужа он точно ничего не знал. Мне бы тоже перезагрузиться. Забыть страх и боль, выяснить, куда я попала и что со мной происходит.

И важнее всего, понять, что мне нужно именно сейчас. Переодеться и обсохнуть. Мокрую спасенную незнакомку тоже высушить и переодеть. Небо в облаках, а березовые листья пожелтели. В такую пору простудиться – дело недолгое.

Поэтому я не упиралась, не спрашивала «куда идем?», а молча брела за мужиком. Он явно обращался со мной как с больной, но не ОРВИ, а чем-то душевным – и хорошо. Главное – не как с преступницей. Кстати, величал он меня странно – по имени-отчеству, но последнее произносил на своеобразный манер, с ударением на букву «о». Маркóвна.

А вот и цель недолгого пути. У мостика ожидал старинный конный экипаж, скромный, на двух лошадок. И почему-то сразу стало понятно: здесь это не экзотика, а единственное средство относительно комфортного передвижения.

Я не успела понять, откуда в моей голове всплывает глубинное понимание, как услышала радостно-взволнованный голос:

– Барышня, сердешная моя! Как напугались-то мы. Это что ж вы удумали, лишенько?! Топиться, да осенью! Грех-то какой!

– Не зуди, Павловна, – всю стуча зубами, велела я низенькой старушке в затрапезном платишке и старой шали, накинутой на голову и плечи. – Подай лучше из сундука сухое. Да не только мне, но и вот детенку.

И полезла в рыдван. Точнее, в кожаный возок выцветшего желтого цвета. Скрипучий и облезлый. Или это правильно называется «кибитка»?

И, только оказавшись внутри, застыла статуей. Даже расстегивать мелкие-мелкие пуговички на платье перестала.

«Павловна»? Откуда я знаю, что старуху зовут Павловна?! И почему мужик в колпаке... Еремей? Почему он назвал меня правильным именем, хотя в зыбком речном отражении была вовсе не я?

Какая-то совсем молоденькая девушка, лишь очень отдаленно похожая на меня саму в двадцать лет. Бледная, худая, с лихорадочным треугольным румянцем на щеках. В историческом платье, вполне подходящем к окружающим лаптям и рыдвану.

Мысли застыли стеклом, а вот руки снова начали двигаться. Только как-то неловко – освободиться от мокрой, тяжелой и жутко неудобной одежды оказалось трудно.

– Барышня, голубушка, – раздалось снаружи. – Это что же... это вы за девкой прыгнули?! Ох, Матерь Божия...

Глава 2

Павловна довольно скоро влезла в закрытый возок и с причитаниями захлопотала вокруг меня. Помогла стянуть остатки мокрого, полезла в какую-то корзинку, достала оттуда маленькую бутылочку мутного зеленого стекла. Бормоча что-то про монастырскую рябиновку, живо растерла меня этим адским зельем, оказавшимся, судя по запаху, едва ли не чистым спиртом с ягодной отдушкой. И попыталась одеть, как маленькую.

– Чулки-то, барышня! Вот, шерстяные ваши, наметни я как раз пятки-то надвязала...

– Я сама. – Чулки пришлось отобрать. – Где девочка? Ее тоже надо переодеть.

– Да что ей сделается, поганке! – отмахнулась было пожилая женщина, но наткнулась на мой строгий взгляд и недовольно пробормотала: – Растерла я ее уж да в рядно обернула, которым ваши платица в сундуках укрыты были. Ну и рубашку дала свою, не побрезговала. Чай, не простынет, кобыла бесстыжая!

– Почему бесстыжая? – не поняла я.

– Да вы никак ослепли, барышня! – всплеснула руками старуха. – Брюхатая она! С кузовом! А раз топиться побегла, значит, не от мужа родного нагуляла, а так!

– И что? Пожалеть девчонку нельзя? – Я укоризненно покачала головой, соображая, что, кажется, меня и правда далековато в прошлое занесло, потому и говорить надо по-старому. – Мало ли, может, насильничали, может, обманули. А ты сразу ругаться.

– И ваша правда, барышня, – неожиданно устыдилась Павловна, после того как с полминуты удивленно таращилась мне в лицо, будто я невеста что ляпнула. – Небось, дворовая девка чья-то... а девкам дворовым нонеча и замуж господу идти не разрешают. С замужней-то бабы и спрос меньше. Да и плохая она работница, с дитем на руках.

Я только горестно кивнула. Павловна выдохнула набранный было воздух и продолжила воркотню уже гораздо тише и спокойнее:

– Ишь чего удумали! В речку с моста кидаться! А может... – Она бросила натягивать на мою ногу второй чулок и заглянула мне в лицо снизу вверх. Ее темное морщинистое личико в обрамлении старого платка было похоже на грача, высунувшегося из дупла. – А может, барышня, вы не топились вовсе? Головка закружилась с непривычки, вы и свалились с моста-то? А? Или... неужели за девкой кинулись? Ну да, ну да... живая душа, известно! Я скажу Еремее-то, чтоб не пошел языком мести про то, что барышня Салтыкова руки на себя хотела наложить!

Я позволяла вертеть себя как куклу, потому что пребывала в прострации. Тело было как онемелое. Но последние слова старухи будто бы открыли заслонку в плотине. И самые разные сведения о жизни Эммы Марковны Шторм, урожденной Салтыковой, весьма взбалмошной мелкопоместной дворянки тысяча семьсот девяносто шестого года рождения, вдовы девятнадцати лет от роду, хлынули в меня водопадом.

Ох, Эммочка, экзальтированная барышня, попала ты в историю! Для начала – в историю 1812 года. Училась в дворянском казенном институте, вместе с ним была эвакуирована в Ярославль из Москвы, когда Наполеон был неподалеку. Оттуда отправила письмо маменьке, та послала кучера забрать дочку и отвезти домой, подальше от злодея Бонапарта, хотя тот уже из Москвы вышел. Мол, как весной все успокоится, обратно в Москву привезем.

Судьба решила иначе. Заехали в трактир при почтовой станции, а там ни еды, ни овса. Решила Эммочка сама разжалобить смотрителя и встретила в зале гвардейского поручика с лихими усами и шалым горящим взглядом заправского сердцеда. А что рука на перевязи – в военное время так красивее. Тут еще и метель, не уехать. Поручик заставил и самовар для барышни согреть, и постельку подготовить.

Вот только комнатка была одна на двоих. И такие пошли разговоры, сначала в зале, потом в комнатке, что наутро уехали они уже вдвоем. Поручик – в Санкт-Петербург, повидать родных перед отъездом в армию после ранения. А молодая невеста отправилась в столицу с ним. И в первом же храме обвенчалась с Михаилом Степановичем Штормом.

Маменька получала правду письмами, по частям. Как узнала о знакомстве – возмутилась.

«Чтоб шаматона твоего духу не было! Скорей в деревню! Уж если замуж невтерпех, настоящего жениха найдем, из крепких. Вон соседский Порфиша недавно в отставку вышел, тоже офицерского чину!»

Фи... слова-то какие противные. А у Порфиши того из носу воняет и слишком длинные мокрые руки вечно торчат из обшлаг. К тому же небось сам сейчас пошел офицером в ополчение.

Да и к лицу ли маменьке играть в высокомерие? За душой и в прибыток будущему мужу у милой барышни Эммы только звучная фамилия да бриллиантовый фермуарчик – жалкие остатки когда-то богатого приданого прабабушки. Даже Порфиша не позарится, в маменькином поместье едва сорок душ! А папенькино наследство по дальним уездам раскидано, да и не намного богаче.

Потом узнала маменька про венчание. Радоваться бы, что дочь за гвардейским поручиком сама пристроилась, так опять решила ндрав проявить. Письмо прислала, запретила на глаза показываться. Проклясть не прокляла, но закончила послание сентенцией – мол, без материнского благословения в таких делах никогда счастья не будет.

Тогда Эммочка о словах этих не подумала. Приехала в блистательную столицу с мужем, поселилась далеко не в самой блистательной квартире в Коломне, почти на окраине Питера. Потом супруг отправился догонять свой полк и побеждать Наполеона. А Эммочка осталась у его родителей, вынашивать ребенка...

– Барыня! – В дверцу возка забарабанили, прерывая поток чужих воспоминаний. – Барыня, глядите! Вона там, двое скачут. Уж не по нашу ли душу?

– Так то дядюшкины вроде. – Павловна высунулась из-за полога и посмотрела туда, куда указывал кучер. – Эй, девка, да что ж ты там сидишь трясешься, болезная?.. Ох, грехи наши. Барышня, околет ведь дуреха.

– Так давай ее сюда, давно пора, – отозвалась я изнутри. – Кто там скачет-то, нянюшка?

– Это за мной, – обморочно пискнул рогожный кулек, который Павловна решительно впихнула внутрь кибитки. – Ой, барыня... ой, пропала моя голова бедовая... Пустите лучше обратно в речку!

– А ну, тихо! – цыкнула я на девчонку, несильно хлопнув ее раз-другой по щекам. – Павловна! Разотри ее хорошенько да закутай как следует. И сама застынет, и ребеночка заморит! Грех!

– А и верно, барышня, а и правильно. – Павловна снова засуетилась. Только вот скачут дворовые-то... точно от старого барина, верно говорю. Кузьму я по долговязости да пегой бородище узнала, и второй тож вроде знакомый. Кабы чего не вышло...

– Разберусь. – Я поправила сухую рубашку, накинула сверху еще один капот и решительно выбралась из кибитки наружу.

Глава 3

В другой ситуации я бы полюбовалась двумя всадниками, бодро скакавшими по разбитой дороге. Но неслись они явно с определенной целью, и этой целью была наша кибитка.

Парень в лихо сдвинутом картузе обскакал экипаж, показал плетку кучеру – стой. Второй, чуть постарше, тот, которого опознали как Кузьму, обратился ко мне:

– Здравствуйте, сталбыть, сударыня. Ищем мы одну дуреху. Не встречали?

Как быть-то? Меня с детства учили, что надо всегда говорить правду. Но ведь девчонка-то прыгнула в речку от реальной проблемы. И говорят же: ложь во спасение. А если обман откроется?

Эти суетливые мысли бушевали в моей голове две-три секунды. А потом я поняла, как должна отвечать в такой ситуации. И заговорила высоким, резким, даже надменным тоном.

– Как ты к барыне-то обращаешься? Чай, я не чужая кровь хозяину твоему! Смотри, не свались из псаля в свинаря. Недосуг мне с тобой про дурех болтать, проезжай своим путем.

Я сама удивилась своему тону. Кузьма же не удивился совершенно, а лишь сказал:

– Извините, сталбыть, Эмма Марковна, коль мое слово вас обидело. Послали нас девицу найти, что из усадьбы сбегла, и возвращаться без нее не велели.

– Ну и ищите, – сказала я тем же тоном. – Еремей, трогай.

Однако кучер не сдвинулся – второй парень по-прежнему преграждал дорогу. И тихо сказал Кузьме, видимо старшему, впрочем, так, что я расслышала:

– И на мостку мокрые следы были, и здесь мокро. Не барыню, так кучера спросим. И заглянем.

Дело принимало не самый приятный оборот.

– Ну-тка, – рявкнул парень в картузе на слегка опешившего от такого крика кучера, – клянись Господом Богом, что девку не видели, в возок не сажали!

И для убедительности поднес болтавшийся арапник, или уж не знаю, как назывался хлестательный предмет, к лицу кучера.

Вместо возницы испуганно перекрестилась Павловна, а тот просто вытаращился. Его секундный ступор позволил ответить мне. Причем совершенно своими словами.

– Я категорически и официально запрещаю своему персоналу отвечать на любые вопросы посторонних лиц.

Правда, голос мой был громок, так что даже испугалась – не сорвусь ли на визг. Не сорвалась.

Мой барский тон, вкуче с потоком непонятных слов, сбил с толку незваных гостей. А моих попутчиков, пожалуй, ободрил.

Но разговор надо было заканчивать. Пока не заплакала от страха. И я, порывшись в памяти той Эммы Марковны, продолжила так же громко, но уже не боясь свалиться в визгливую истерику. Это они должны лучше понять, чем любых «посторонних лиц».

– Эй, Пална, Еремейка, уши закройте! Бы-ы-быстро! Ты, холоп безмозглый, впрямь решил под полог рыло совать?! А если там мое белье? Ты понимаешь, хамово отродье, такие обиды дворянскому сословию ни-ко-гда не прощаются? Ты у меня в ножках бы валялся – мол, пусть меня Иван Платоныч посечет до трехдневной отлежки. Хуже будет, когда я тебя проучить возьмусь. Я офицерская вдова, думаешь, у меня друзей не осталось? Думаешь, как расскажу им об обиде, не приедут? Знаешь, как в Польше наши офицеры шляхту наказывали, которая над ними смеялась? В телегу запрягали, грузили кирпичами и гнали десять верст. Ты здоровый, ты и один вытянешь!

Я замолчала, горло пересохло. Сработало или нет?

– Вы, сударыня, не серчайте, – растерянно произнес Кузьма. – Уразумели мы – нет девки у вас. Погнали, Петька! По берегу проверим. Не иначе девка топиться сюда бежала, дык не стала бы барыня ту дуру из речки тащить, на что ей та кобыла гулящая?

И первый поворотил на обочину.

А я, чувствуя, как трясутся руки, ноги и все остальное, что тут у меня есть, полезла внутрь кибитки.

– Барышня, родненькая. – Павловна торопливо сунула мне в лицо бутылочку темного стекла, из которой едко пахло травами на спирту. – Глотните-ка... Эка вы их!

Рогожный кулек на противоположном сиденье тихо всхлипнул. Я откашлялась после забористой настойки и поняла, что руки перестали трястись. Зато навалилась сонная одурь, хоть сейчас падай на набитые конским волосом подушки сиденья. А может, не такая плохая мысль? Не спать, но полежать и подумать, куда я, собственно, еду в теле молодой барыни и что ждет меня в конце пути. И как оно вообще на этот путь свернуло...

Итак, вот и продолжение нашего сериала, увы, безрадостное.

Маменька узнала, что скоро станет бабушкой. Не сменила гнев на милость, только прислала в Питер возок с разной домашней снедью – уж очень провиант вздорюжал после французского разорения – да крепостную девку Лушку. Лушка тоже была беременной, по расчетам маменьки должна была родить и выкармливать барского ребенка вместе со своим.

А письма не прислала. Не простила.

Родились младенцы в срок, двое – мальчик и девочка. Но наследника едва успели покрестить, как помер, слабенький был да болезненный. А вот дочь оказалась крепенькой, как и положено, но Эммочка заболела при родах и от известия о смерти мальчика второго ребенка долго даже не видела, а потому не полюбила.

Лушка родила тоже, нянчилась с двумя младенцами, Эммочка тому и радовалась. Доктора советовали почаще бывать на свежем воздухе. А так как в Питер-городе никаких садиков возле домов обычно не предусмотрено, гуляла офицерская жена подальше от Коломны. Свой выезд родители Михаила Степановича, конечно же, не держали, зато муж оставил немножко денег, так что пятака на извозчика хватало доехать до бульвара и Невской набережной.

Одна барышня долго гулять не будет. Появились у нашей Эммочки воздыхатели, все больше мелкие чиновники. Она, конечно же, дальше легкого флирта не допускала, так, перемолвиться словом. Думала про себя: кабинетский регистратор сравнительно с поручиком гвардии – это как подберезовик сравнительно с боровиком. Так я ведь не срываю, а просто гляжу.

Еще одна зима прошла. Вести долетали – узурпатора Бонапарта побили во всей Европе, теперь во Франции война идет. А потом стало известно, что наш царь Александр в Париж вступил, а Наполеона на остров Эльбу отправили.

Частные новости не курьеры привозят. Только когда в Петербурге проклюнулась чухлая листва, узнала Эммочка, что гвардии поручик Михаил Степанович Шторм погиб при взятии города Парижа, на окраине, именуемой Монмартр.

От горя его отец слег, мать за ним ходила, невестку почти не замечала. Эммочка отписалась маменьке. Та в ответ письмо прислала, не очень-то доброе. Мудрствовала много о том, как в жизни бывает, когда под венец без благословения родительского. Будто козье благословила бы, так и пуля французская мимо мужа пролетела бы! А потом добавила: если новая родня без куска хлеба оставит, так и быть, приезжай, для тебя кусок найдется.

Свекровь да свекор куском не попрекали, но жили бедно. Намекнули – надо бы вдове о пенсионе похлопотать.

Эммочка этим и занялась. Да только в присутственных местах много было таких офицерских вдовушек. Стала она и дальше флиртовать с чиновниками, спрашивать, как можно зайти в нужное ведомство, чтобы не с парадного входа.

Нашелся один заступник, коллежский секретарь Анатоль. Обходительный, речистый, скорый на комплименты. Говорил, что мужа покойного представили к производству в капитаны, но произвести не успели. Надо постараться, выхлопотать пенсию за гвардейского капитана, но для этого лучше не спешить.

Они и не спешили. Гуляли по Невскому, в кондитерские заходили. Шампанское, ликеры – всякое было.

А кончилось все хуже некуда. Санкт-Петербург не деревня, но нашелся добрый человек, что навестил свекровь со свекром и рассказал, как их невестка с красавцем-усачом выходила из экипажа возле гостиницы. Свекор аж с постели соскочил и велел из дома выметаться. Свекровь еще ребенка отобрать хотела, но уж этого Эммочка не позволила. Был бы жив сынок, наследник, свекры еще поборолись бы, а за девчонку так, для порядка только пытались уцепиться. Отдали.

Кинулась вдова к Анатолю по известному адресу. На стук открыла незнакомая дама, представилась женой. А за ее спиной еще какие-то женские голоса хмельно смеялись да непристойности выкрикивали. Понятно, что за жена – актриска... с подружками. Да разве ж от того легче?

Так и осталась Эммочка одна в Петербурге. Или на паперть, с младенцем и протянутой рукой, или к сердитой маменьке.

Глава 4

...Уф-ф-ф, вроде немного разобралась с воспоминаниями. Не до конца, но хоть чуть-чуть. Руки и ноги постепенно согревались, Павловна продолжала хлопотать вокруг меня, не очень-то и обращая внимание на то, что я почти не реагирую. Барышня нежного воспитания, что с нее взять? Опамятуется. Жива – и любехонько. Так, во всяком случае, звучало ее бормотание, вовсе не мешавшее мне вспоминать скупые радости и щедрые горести моего нового прошлого.

Итак... муж погиб. Из дома бедняжку погнали. Но неужто эта милая Эммочка столь психологически неуравновешенная, что с моста сиганула?

– Вам бы, барышня, нутро надо получше согреть, – продолжала ворковать Павловна. – Самоварчик был бы лучше, да нет его, а вот рябиновка... Маменька не гнушалась, когда мерзла. Давайте еще глоточек, вот так...

Спорить я не стала – погреться изнутри следовало, да и продезинфицировать носоглотку стоило. Поэтому заранее вздохнула и почти не обожглась, опрокинула в рот остатки настойки из бутылочки.

Все же разок кашлянула. Зато сознание окончательно прояснилось, и я вспомнила финальную серию мелодрамы.

Маменьку в живых Эмма не застала. Зато получила целый ворох неприятных открытий. Дело в том, что полностью поглощенная собственными несчастьями барышня не особенно интересовалась, как там поживает брошенная в деревне маменька. А поживала та в последние годы плохо. Военная пора подкосила многих в губернии, а мелкопоместных так и вовсе разорила. Маменька сначала продала все остатки серебра и украшений, потом дальнюю мужнюю деревушку в Костромской губернии, потом ближнюю в Нижегородской. И осталась при сорока душах собственного приданого и барском доме, до того убогом и старом, что там венца целого не осталось. Все обветшало, прогнило и покосилось, по горницам сквозняки гуляли, а в мороз внутри было лютее, чем на улице.

Правда, жить в том доме маменька и не собиралась. Она вполне удобно и счастливо делила уголок с братом, Иваном Платоновичем Уваровым, холостым чудаковатый дяденькой сорока с небольшим лет. Маменька издавна жила в его доме за хозяйку, и ее это вполне устраивало. А деньги свои от продажи имений на братнино тратила – так и что? Они не считались, родня есть родня.

Увы. В один далеко не прекрасный день Ивану Платоновичу приспичило жениться. И молодая хозяйка из купеческих, за которой дали неплохое приданое – шестьдесят тысяч ассигнациями, терпеть другую хозяйку в собственном доме не собиралась. Особенно такую, что привыкла распоряжаться хоть в своем имении, хоть и в родственном.

Конфликты были мелкие, но принципиальные – что готовить на обед, когда его подавать, кому прачка должна белье стирать в первую очередь и кто вправе наказывать прислугу за нерадение. Маменька вроде бы побеждала в каждом споре и гордо удалялась в свою комнату. А наутро подтверждалась пословица: «Ночная кукушка дневную перекукует». Управляющий и горничные смущенно и боязливо сообщали тетушке, что «барыня по-иному приказали-с».

Плюс мелкие диверсии – печник печь в тетушкиной комнате стал чинить, разобрал, а обратно не сложил – запил, и барыня его наказать не велела. Намерзлась тетушка, пока другой печник не отыскался.

Главное оружие любимой супруги, слезы, молодая барыня пускала в ход редко. Лишь пару раз прилюдно всхлипывала и говорила Ивану Платонычу: «Для папеньки и маменьки я ломоть отрезанный, нет у меня угла, кроме дома этого». И намекала, что у тетушки как раз свой дом есть.

Особенно острую фазу война приняла, когда молодая барыня обжила, родила мужу двух дочек и окончательно утвердилась хозяйкою. И пространно намекала, мол, она-то чужой хлеб никогда не едала, а другие по ее милости в этом доме круглый год сыты.

Маменька злилась, злилась, да и начала применять оружие последнего шанса: «Не мила я вам – так съеду». Пару раз успешно – Иван Платоныч махал руками, барыня извинялась, даже доверила тетушке составить меню очередного праздничного обеда.

Но в один далеко не прекрасный момент после очередного скандала и угроз брат слег с болящим сердцем. Супруга же его спросила ласково: каких вам лошадок запрячь?

Слово гневное не воротишь. Пришлось уехать, забрав с собой только собственных дворовых: старую няньку Глашку, которую за возраст все привыкли величать Павловной, и кучера Еремейку.

Отъехала маменька Степанида Платоновна три версты в сторону родного дома, да и случился с ней удар. Коляску сейчас развернули, до братнина поместья старую барыню еще довезли живой. Она успела причаститься и исповедоваться. А в ночь тихо отошла.

Все это Эммочка узнала, лишь доехав до дяденьки Ивана Платоновича. Ей и в голову не приходило, что ее могут там не принять, в этом доме под крылом маменьки и дяденьки она выросла и жила до поступления в пансион. Но увы. Молодая жена дяденьки снова была на сносях и выразилась предельно ясно: такой родни нам в доме не надобно! Уж старую-то барыню едва терпели, а молодая вертихвостка с подмоченной репутацией – тем более не ко двору. На пару дней дочку с молодой кормилкой, так и быть, оставляйте, а потом милости просим, до своего дома забирайте!

Вот и осталась Эмма посреди российской глубинки в растерянности, с нелюбимой дочкой на руках и с перспективами зимовать в разрухе.

А потом был мост через реку и очередная истерика. Упала в воду барышня Эммочка, а выплыла я собственной персоной. Еще и не одна.

Ладно... пока я все это воскрешала в не своей памяти, мы, кажется, приехали. Во всяком случае, возок перестало трясти, а некоторое время спустя снаружи послышались голоса. Я только понадеялась, что это не очередная погоня, когда Павловна встрепенулась и высунула нос наружу:

– Ты что, старый хрен, ослеп, что ли?! Хозяйка приехала, а ты бары-растабары на пустом толокне разводишь! Отворяй ворота, кому сказано!

Снаружи охнули, послышался торопливый топот и противный скрежет. Что бы там ни отворяли, скрипело оно немилосердно.

И уже через минуту полог окончательно откинули. Я наконец сумела рассмотреть место, где мне предстояло жить с ребенком, старухой и беременной девушкой.

М-да-а-а...

Может, права была трепетная барышня Эммочка, когда сиганула в реку от такого счастья?

Глава 5

Пожалуй, мне следовало заранее высунуться и присмотреться к своим владениям. Пройти этап привыкания. Теперь же я глядела по сторонам, видела множество картин, и каждая была безрадостней предыдущей.

Например, те же ворота, в которые я въехала. Спасибо, что отворились, но в следующий раз, скорее всего, упадут. Да так ли они нужны, если ограда полна дыр и проломов на любой вкус: тут проберется собака, тут пройдет человек, тут – корова, а там – телега.

Насчет коровы можно было и не предполагать. Парочка этих несчастных худых скотин медленно бродила по лужайке перед домом, выискивая уцелевшие травинки. Взглянув на их вымя, я подумала, что их лучше не доить, а, наоборот, поить молоком. С коровами успешно конкурировали козы: вставали на задние ноги и объедали хиленькие деревца.

Барский дом выглядел так, что хотелось опять взглянуть на тощую корову. Темный, покосившийся двухэтажный прямоугольник с готовой опрокинуться надстройкой – я вспомнила, что это бельведер. На крыше выделялись несколько пятен чуть-чуть светлее окружающего пространства – крышу когда-то пытались залатать. А вот печные трубы чинить даже и не пытались.

Я перевела взгляд на окна, и вместо старинного слова «светелка» в голову пришла столь же старинная «темница». Половина окон была закрыта темными, почти черными, ставнями. Другую, не мудрствуя, заколотили досками. Наблюдался и переходный вариант: одна половинка еще держалась, другая висела на петле, и ее заколотили доской.

Пока я наблюдала, возок тащился к крыльцу. Это был самый тяжелый этап поездки – дорожка разбита, изъезжена, и никому не приходило в голову засыпать лужи.

Я бы не удивилась, если бы дом оказался необитаемым. Либо населенным героями криминальной хроники и суеверий или ужасиков. Но люди в нем все же водились.

На крыльце появился мужик с мешком за плечами. Посмотрел на нас, неторопливо проанализировал увиденное, развернулся и скрылся в распахнутых дверях.

– Да что это за разбой-то, – вздохнула Павловна. – Среди бела дня барское добро тащат!

Слово «разбой» меня слегка напугало. А вдруг, кроме бомжей и привидений, в страшном черном доме свила гнездо настоящая бандитская шайка? Вспомнила старую песню: «Эй, ямщик, поворачивай к черту!»

Но, судя по следующим обитателям, появившимся на крыльце, барский дом все же не стал разбойничьим притоном. Вообще, надо сказать, высунувшиеся люди не внушили мне ни капли доверия, хотя память Эммочки уверенно опознала старосту голубковских крестьян. Поместье называлось «Голубки», и местные, соответственно, среди соседей слыли либо голубчиками, либо сихарями. Либо шалыганями – если ссорились с соседями.

Вообще же все встречные-поперечные показались мне малорослыми, заморенными и какими-то линияло-неуверенными. А у старосты ко всему прочему обнаружился здоровенный красный нос в синих прожилках – верный признак пьянства.

– Девку пока никому не показывать, – велела я шепотом своим спутникам. – Как стемнеет, в комнаты возьмем. А сейчас укутайте получше, и пусть в возке сидит.

Павловна переглянулась с кучером, и оба кивнули. Ну а потом нянюшка решила взять дальнейшее в свои руки.

– Вы как барыню встречаете, подлецы! – с ходу накинулась она на старосту, первой выбираваясь из кибитки. – Письмо-то вам еще третьего дня отправили!

– Дык письмо-то оно письмо, – неуверенно промямлил староста, имя которого я тоже вспомнила. Мужика звали как в пословице – Селифан. И прямо в точку, народная мудрость не ошибается. Пословица звучала: «Не в городе Иван, не в селе Селифан». То есть ни там ни там не к месту человек. Вот и тут мы наблюдали именно эту картину.

Жена его, еще весьма крепкая старуха, хмуро зыркнула на мужа из-под низко повязанного платка и вздохнула:

– Вы, барыня, не серчайте. Что смогли, то сготовили. А только все одно, жить здесь нельзя.

– Это еще почему? – угрюмо спросил у меня из-за спины кучер. – Заговорались совсем без барского пригляду? До чего хозяйство довели! Куда мне лошадей-то поставить? Конюшня – дыра на дыре! Овса-то хоть есть задать?

– Да где уж тут воровать, домик-то – одно название, – жалостливо вздохнула давешняя старуха. – Венца живого нет! Половицы погнили, ходуном ходят, из всех окон дует. Как же барыне в таком-то жить?

– Барыня разберется, – прервала я эти споры, отодвинула Павловну и пошла к покосившемуся крыльцу. Дом и правда выглядел как типичное обиталище привидений и плесени. Но другого у меня не было.

С первого шага внутри дома я вспомнила любимую реплику знаменитого адвоката Плевако: «Господа, а могло быть и хуже». Перила крыльца, покрытые толстым слоем изумрудной плесени, закрипели от моего прикосновения, а могли бы рассыпаться. Трогала я их, обернув ладонь носовым платком, – если в багаже и были перчатки, то я их пока не обнаружила. О местной медицине у меня не было ни малейшего представления, и я решила принять меры гигиенической предосторожности.

Половицы в холле, или, как было бы правильно, в сенях, тоже поскрипывали задумчиво-предостерегающе: «Ты уверена, что хочешь пойти дальше?» А могли бы и провалиться. Отовсюду тянуло холодом, да так зябко, что хотелось вернуться во двор, немного прогретый осенним солнышком. А могло бы меня занести сюда на пару месяцев позже, и тогда на этих половицах, пожалуй, лежал бы снег.

Впереди в полутьме слышалось шуршание – убегали то ли кошки, то ли крысы, то ли еще какие-то синантропы. А ведь за долгое отсутствие хозяина в усадьбе могли завестись такие формы живности, что человеку пришлось бы убегать от них самому.

Лишь когда старостиха отворила дверь в мою комнату, я подумала: «Могло быть и хуже – я могла просто утонуть» – и чуть не всплакнула. Помещение оказалось просторным, и это, пожалуй, было его единственным достоинством. Несомненно, комнату готовили к моему приезду, но лучше бы этого не делали. Тряпки, драпировавшие стены, надувались, как паруса, – ветер гулял в щелях. Печку к моему приезду топили, но от этого процесса остался только угарный запах, а не тепло. Или часть вещей не так давно успели вытащить с локального пожара – в дымных ароматах я не разбиралась. Ободранные обои, покосившаяся кровать, белье с таким затхлым запахом, будто его достали из кают затонувшего корабля, слегка просушили и застелили кровать.

За что мне это?!

Спокойно, Марковна. Могло быть и хуже. Судя по солнцу в наполовину вымытом окне с трещинами на мелких стеклах, сейчас еще середина дня. Значит, до вечера можно успеть добиться хоть какого-то уюта и комфорта.

Глава 6

– Я, сударыня, на овин схожу, прослежу, как молотят, – сказал Селифан, только что поставивший на плохо вымытый пол мой багаж. – Жена на кухне, посмотрит, чтобы вам обед поскорей подали.

С этими словами староста несколько поспешно удалился. Я заметила, что практически все свидетели моего прибытия при первой же возможности разбежались. Правда, Павловна успела схватить за рукав девицу, которая, видимо из любопытства, дошла от крыльца до моих покоев.

– Мне Иванна сулила работу задать, – возразила девушка, правда неуверенно.

– Барыня приехали, – строго сказала Павловна. – Сейчас они указывать будут и тебе, и Иванне. Как звать тебя? Танька? Эмма Марковна, нужна она нам сейчас для услуг?

Я сначала кивнула, а уже потом выяснила, что Танька участвовала в уборке дома. Ну и велела ей остаться. Уже скоро узнала, что по соседству с барской спальней есть несколько комнат, для детей и гостей. Увы, все они были в таком же плачевном состоянии. К тому же и здесь кое-где пахло или плохо закрытой печью, или пожаром.

Зато в правом крыле, «людском», было совсем немного, но теплее. Там же при тщательном осмотре нашлась комнатуха, размером напоминавшая номер капсульного отеля. Зато внутри стояла вполне приличная широкая лавка, которая заменяла кровать. И стекла избежали трещин. Впрочем, оконце было таким малюсеньким, что и не удивительно. К тому же часть стены занимал бок большой печки, лицом повернутой, если я не ошибалась, в людскую. Относительно тепло и не дымно.

Относительно – потому что выражение «венцы сгнили» было справедливо для всего дома. Окно целое, а рамы все равно рассохлись. И между бревнами прекрасно задувало. М-да... но все равно лучше, чем господская половина дома.

Павловна пыталась спорить, что комната совсем не барская, но я обещала здесь ночевать, только пока не приведут в порядок спальню. А пока стоит позаботиться больше о тепле, чем о спеси. И заодно потихоньку привести сюда беременную девчонку, которую мы оставили в возке. Ее так никто из крепостных до сих пор и не видел. От греха.

Нянюшка еще поворчала и пошла проведать Аришу – мы по пути выяснили, как зовут бедолагу, – а заодно притащила из возка свой войлок. Расстелила в углу. А я только теперь вспомнила, что здесь так принято: прислуга спит в одной комнате с барыней, на войлочке, на полу. Ужас. А ведь вон, Павловна рядом со своим еще один мостит – для Ариши.

Ладно. Разберемся. А пока я вышла из закута, подозвала Таньку и велела:

– Вытри пыль, вымети пол, ошпарь здесь все, чтоб клопов не было. Потом возьми, где Павловна покажет, пуховики и застели постель. Когда все сделаешь, больше тебе никто сегодня работы не задаст. Так что поспеши.

А сама пошла в «столовую» и поинтересовалась насчет обеда, так как аппетит начал командовать. Стол, почти что не колченогий, имелся, и нашелся даже один целый стул. Смахнули вместе со старой дырявой скатертью слой пыли, постелили чистый рушник – сойдет.

Все это время я старательно концентрировалась на воспоминаниях Эммочки, на том, что происходит прямо сейчас, на ощущениях и нуждах тела. Не думала о муже. Не думала о двух малышах в пластиковом тазу. Ни о чем таком не думала. Иначе захотелось бы сесть на подгнившие половицы и завывать в голос.

Поэтому – обед. Что у нас?

М-да.

Павловна, на ходу ругаясь со всеми подряд, притащила откуда-то и поставила на стол блюдо с жареной курицей. Ну... дня три-четыре назад ее действительно жарили. А потом в лапту ею играли, не иначе. А потом еще зерно молотили.

Такой высушенной, скукоженной, да еще пованивающей птички я в жизни не видела. И сразу засомневалась, стоит ли ее есть.

– Павловна, эту мумию только собакам выбросить. И то не стоит – потравятся.

– Что ж поделаться, сударыня-барыня дядина-то скупа, – растерянно ответила няня, пытаясь сообразить, что такое «мумия». – Другого в дорогу и не дала. Хлебца только вот маленько. Даже горшок молока пожалела! – Нянюшка поджала губы.

– Ну, она и не обязана нас кормить. Пойди узнай, что здесь есть.

– Да я и так скажу. Щец людских Иванна сварила, да хлеб с мякиной. Вся еда.

– Щец так щец. Неси.

– Да нешто ж вы людские щи хлебать будете?! – Нянюшка вытаращилась на меня так, словно у меня выросла вторая голова. – Невместно это!

– Павловна, еще раз повторю: нам сейчас не до жиру, быть бы живу. Спесь дворянскую после тешить будем. А сейчас неси щи. Сами поешьте и потихоньку Арише в возок отнеси плюшку. Как стемнеет, мы ее незаметно в дом возьмем. А пока еще раз проверь, чтобы тепло укуталась. Не лето на дворе. А мне подумать надо.

Павловна вздохнула и унесла несчастную птицу.

Я осталась за столом, любоваться на ободранные стены, почти не защищающие от холодного осеннего ветра и сырости. А что будет зимой? Подумать страшно.

Но пока вокруг тихо и малоллюдно, собственные мысли кажутся важнее холода. Что случилось? Как я вообще сюда попала? В тело Эммочки, в тело собственной прапрапра... и так далее бабушки?

Да, я вспомнила наконец не только жизнь непутевой барышни, но и семейные легенды. Легенды эти, между прочим, отзывались о барышне весьма нелестно. Была она глупа, спесива, равнодушна к собственной дочери и... и утонула.

Елизавета, ее дочь, выросла сиротой при дядиных детях, нелюбимой, обиженной на весь свет и такой же «неудачной», как ее беспутная маменька. Приданого у нее не было, и замуж она не вышла. Сбежала с заезжим гусаром. Умерла рано, в родах. Остался только ее малолетний сын, который и унаследовал материнскую фамилию, поскольку гусар Елизавету бросил, как только она забеременела.

От этого самого сына и пошел наш род Штормов.

Брр, какая жуткая история. Очень не хочется повторять судьбу беспутной барышни.

Но в то же время...

Эх, Михаил. Столько лет мы вместе прожили, пуд соли съели, семь пар железных сапог износили. Не думала я, что вот так потеряемся. Во времени? В разных мирах? Поди теперь угадай.

А может, он как я? Тоже где-то здесь? Ну может же?

Только вот земля большая. А Мишенька мой ничего не знал о своих корнях до революции. И как его найти – непонятно. Почти без шансов.

Но ведь почти – это же не безнадежно?

А значит, я должна выжить. Как-то наладить собственное существование. О ребенке позаботиться, ведь дочь Эммочки ни в чем не виновата. А потом – искать. Вдруг?

«Вдруг» – волшебное слово. Оно придало мне решимости совсем другими глазами посмотреть на развалины, в которых предстояло жить. Ничего, голова на плечах есть, знания из нее никуда не делись, решительности не занимать. Осилю!

Глава 7

Мои раздумья прервала Павловна, негромко ругавшая кого-то:

– Да что за придурь такая – хлеб жарить? Не была бы рука занята – дала бы подзатыльник.

– Слышал, будто у заморских господ так принято, «гренки» называется, – ответил юношеский басок.

В столовой появилась няня с большим горшком, откуда доносился непривычный, но по моему нынешнему состоянию вполне аппетитный аромат. А также парень с тарелкой, на которой лежали куски жареного хлеба.

– Не гневайтесь, барыня, – сказал он, – хлеб сегодня не пекли. Вчерашний дворня поела, а позавчерашний совсем сухой. Я его в коровьем масле поджарил.

Я могла бы придаться, что некоторые куски подгорели. Но сейчас главным было другое – парнишка проявил инициативу, вместо того чтобы угостить хозяйку залежалым хлебом. А добрая инициатива, как я уже поняла, здесь в дефиците.

– Спасибо, хорошо услужил, – улыбнулась я.

Юноша застыл от удивления.

Да уж, их тут не балуют комплиментами.

– Как тебя звать? – спросила я, попутно пожалев, что дворовым не положены бейджики с именами. Кстати, может, ввести?

– Алексейка, кузнецов сын, – представился парень. – Прислан был на кухне помочь.

– Вот что, Алексей, – улыбнулась я, – сегодня ты отдыхай, завтра поговорим.

Алексейка удалился под ворчание Павловны. А я принялась за еду.

Щи оказались резкими и кислыми на вкус. Со слов няни я поняла, что варили их из прошлогодней капусты, как-то дожившей до нынешнего сентября. Я вспомнила все, что знала об этом продукте, поняла, что в данном случае ботулизм исключен, и доела все.

Вообще-то вкусно... на голодный-то желудок.

– Эмма Марковна, я самовар поставила, – сказала няня.

Кстати, хорошая идея. Надо бы проверить местный буфет или бакалейный отдел. Чай, кофе, кондитерку. От утреннего кофе я бы не отказалась.

Пока на стол собирали самовар, я прошла в буфетную. Увы, ее состояние было таким же плачевным, как у всего остального дома. Правда, если приנוхаться, можно догадаться, что когда-то в серванте хранили что-то связанное с корицей и апельсинами – может, цукаты? А так ни чая, ни сахара. В углу, заросшем паутиной, нашелся дырявый мешочек с заплесневелыми кофейными зернами. Видимо, на них просто не покусились.

М-да... Ладно, кофе можно прогреть на сковородке, а на первое время хватит дорожных припасов. Спасибо, посуду не растаскали. Но протирать забывали.

Что ж... будем щи хлебать, пока не разберемся, как дальше жить. Все равно первым делом надо придумать что-то с утеплением дома. Сейчас на дворе только осень, а жить уже невозможно. Что же будет зимой?

И как вообще выкручиваться в этом веке, имея весьма скудные ресурсы? Тут социалка не предусмотрена... Нет, мне грех жаловаться, я не крепостная девка и не бездомная нищенка. Но недалеко ушла от последней, если честно. Этот дырявый сарай назвать домом – надо обладать воображением и наглостью, которых у меня нет.

И вообще-то, пока что я здесь по статусу – как сирота в приютском доме или старушка в богадельне. Дают холодную комнату и еду, которую лучше бы сразу снести на помойку. Вся разница – могу потребовать лучшего. Если понять, что можно требовать.

Значит, так. Сначала ревизия. Я должна знать, что именно у меня есть в реальности и в памяти. Потом... потом буду утеплять дом. Даже если мне придется конопатить его собственными руками.

С собой у Эммочки было около двухсот рублей ассигнациями. И еще двадцать пять рублей серебром. Надо заметить, что серебряный рубль здесь и сейчас стоит втрое дороже бумажного.

Эти деньги, считай, наша единственная настоящая кубышка и подушка безопасности. Еще в своем возке столичная вдовушка привезла хорошее белье, довольно платьев, перины и пуховики, которыми обкладывали в те времена господ в дороге. Шкатулку с довольно жалким запасом драгоценностей. Причем серьги, подарок мужа на рождение близнецов, присланный с оказией, пришлось заложить еще в Петербурге. Моя наличность, собственно, из этого источника и происходила.

Ну и по мелочи – немного сахара, пара фунтов чая, коробочка новомодных «конфekt», как здесь называют шоколад.

И все. Ну, не считая ребенка, ее няни-кормилицы с собственным малышом, Павловны и Еремее. И беременной девки, которая явно никак не актив, а источник проблем.

С этим ясно. Теперь надо обойти дом и двор, хозяйственные постройки, всякие сараи, амбары, погреба. Скотный двор? Он тут есть? Гумно?

Уф-ф-ф... я любила русскую историю, довольно много знала когда-то о девятнадцатом веке. И о промышленности, и о другом всяком. А вот сельское хозяйство как-то меньше меня интересовало. Но, думаю, разберусь.

Да, кстати, есть еще одна проблема. Мелкая по сравнению с прочими. И даже, похоже, решаемая. В какой век меня занесло – понятно. Остается выяснить, в какой год. Настенных календарей я пока не обнаружила.

Придется применить такой ресурс, как память Эммы Марковны. Вспомним-ка недавние исторические события...

Ну да, незадолго до того, как пришлось бедной барышне с ребенком на руках бежать из Санкт-Петербурга, стало известно, что Наполеон сбежал с острова Эльба, высадился во Франции, без единого выстрела ее захватил, правил сто дней. Все закончилось под Ватерлоо, там выстрелов хватало. Потом император немного пометался по Франции, забежал на английский корабль, а его отвезли на остров Святой Елены, такой далекий, что там и в XXI веке нет сотовой связи.

Про поражение и ссылку Бонапарта Эмма Марковна узнала в дни отъезда из Питера. История такая, что в любом стрессе запомнишь.

Значит, у нас 1815 год. Связанный не только с судьбой Наполеона, но и с очень интересным природным катаклизмом. Надо бы о нем вспомнить. А пока – продолжить ревизию.

Глава 8

Время шло к вечеру, но на дворе было достаточно светло, и я решила продолжить ревизию. Сообразила, что дорожные туфли лучше было бы поберечь. Барышня Эммочка, в порыве интуитивного скопидомства, прыгнула с моста разувшись, и от воды они не пострадали. Значит, надо и мне позаботиться.

Павловна задачу поняла и минут через десять притащила мне стоптанную, по ее ворчанию, «не барскую» обувь, которую она назвала кóты. Разбитые полусапожки, видимо, принадлежали старой барыне, маменьке Эммы. Они постоянно пытались свалиться с ног, но при медленном шаге держались, а делать ревизию бегом я и не собиралась.

Просветы бывают в самых густых тучах. Оказалось, при усадьбе имелась баня, причем относительно новая. Оставалось понять, как пустить ее в эксплуатацию. Павловна объяснила, что распорядиться должна Иванна, супруга старосты.

Потом мы свернули на скотный двор. Мое появление совпало с возвращением скотины с выпаса, я насчитала восемь коров. Судя по стойлам, коровник предназначался для гораздо большего стада. Тощих и грязных овечек сосчитать не удалось, но их было десятка три. В свинарник я заглянула издали. В грязи страдали какие-то несчастные существа, которых можно было назвать эталоном антисанитарии, но никак не сытости и жирности.

Чуть больше порадовала конюшня. Если она и была недавно Авгиевой, то в ней уже появился свой Геракл – Еремей. Под его руководством двое пареньков расчистили пешеходную дорожку и приступали к стойлам.

– Я, барыня, – приветствовал меня кучер, – щец похлебал да и делом занялся. Обленился народец-то, да я им рассказал, что вы крутеньки и за вами взгреть дело не станет.

Я улыбнулась, поблагодарила кучера. Что же касается материальной части, тут радоваться было особо нечему: пять лошадок, из них две – те, что были запряжены в нашу кибитку.

Из конюшни Павловна повела меня на гумно. Судя по шуму, там еще работали. По дороге мы заглянули в возок и убедились, что Ариша, тайком накормленная щами и укутанная в Еремеев тулуп, пригrelась и уснула, вытянувшись вдоль лавки.

Ну и слава богу. Вечером приведу ее в комнаты, а там посмотрим.

Что такое гумно, я помнила туманно. Вроде бы сарай, где сушат и обмолачивают снопы. Пшеницу. Так ведь? Что-то смутное вертелось в голове насчет ям, в которых должны гореть костры, а над ними, стало быть, и сушат все это хлебное добро.

Костров я не нашла. Зато вляпалась в грандиозную и очень липкую грязную лужу. Что в поместье имелось в достатке, так это глина. Вперемешку с коровьим навозом и еще какой-то дрянью.

– Барышня! – в голос возопила Павловна, обнаружив, что я едва не потеряла в глубинах этого богатства обувь. – Да куда ж вы! Вот туточки надо, бочком... Ироды проклятые, до чего довели! Бездельники! Хлебогады!

Из лужи она меня выудила, и на гумно мы попали. И там я нашла двоих тощих мужиков с цепями и старосту, судя по всему, пьяного в зюзю, мирно спящего на ворохе соломы. В одних мешках, из более крепкой ткани, было зерно, в других, не столь надежных, – какой-то растительный сор, явно нужный для чего-то.

Может, я еще не научилась пользоваться сознанием барышни, может, она с этими остатками не сталкивалась, но пришлось посоображать самой. Это же мякина, или полова, – то, что остается после обмолота. Ею можно кормить скотину, предварительно запарив, или подмешать в хлеб.

М-да... а вот интересно. Если соединить грязь из лужи, солому, тот самый навоз, известь и вот эту мелкую колючую субстанцию, оставшуюся после обмолота... хм.

Я взяла горсточку мякины, растрясла по ладони, стала глядеть. И сама почувствовала на себе пристальный взгляд.

Э-э, а староста не так-то и пьян. Может, и не пьян вообще. И в мои-то времена пьяных жалеют, а раньше была социально приемлемая форма неадекватности. Супруг мой говорил, что по дореволюционному законодательству при любом преступлении состояние алкогольного опьянения считалось смягчающим обстоятельством. Потом, при советской власти, наоборот, отягчающим.

Ладно, мне сейчас эта историческая юриспруденция не нужна. Мне нужно сделать ревизию ресурсов, как материальных, так и трудовых. Уж барыня точно не должна руками в грязи возиться.

– Селифан, – сказала я максимально участливо, – спать не жестко?

Староста открыл глаза и посмотрел на меня ошарашенным, но, как я и предполагала, вполне трезвым взглядом. Такого заботливого обращения он не ожидал.

– Ась? – удивленно сказал он. – Не гневайтесь, барыня, простите мужика, уморился с утра.

– Как поработали сегодня, сколько намолотили? – спросила я.

– Да народ сегодня-то не очень к работе охоч, в канун-то праздника, – ответил староста.

Ох, Эммочка, вот тебе и задачка. Какой праздник-то? Ошибешься – не то что разоблачат, но будут считать совсем полоумной барынькой, оставившей рассудок в столицах.

И тут я вспомнила пару народных примет. Придется рискнуть.

– Старая негодная яблоня в саду найдется – срубить и печи в доме протопить, чтобы зимой тепло было?

– Найдется, найдется, – кивнул староста. – Сейчас распоряжусь.

Я улыбнулась – угадала. Это Покров. Ну что же... зато посмотрю на всех своих крестьян разом – они ведь придут в церковь.

– Ты мне вот что скажи, – я напрягла память, что-то выудила из детского опыта Эммочки, что-то из читанной классики русских писателей, – сколько четвертей ржи намолотили? Каков урожай? Заготовлено ли сено на зиму для скотины? Что на птичьем дворе у нас? На огородах? Капусты нарубили на зиму?

Селифан в ответ на каждый вопрос только моргал. Кажется, он не ждал от меня таких хозяйственных знаний. Барынька из самой столицы, да после института, что она может понимать в крестьянских делах? Тут он был неприятно поражен. Более того, даже Павловна у меня за спиной озадаченно крикнула. А я продолжала, не давая им опомниться:

– Девки в поместье чем заняты? Птичницы и скотницы где? Почему в конюшне один Еремей распоряжается, где здешний конюх?

Лицо старосты напоминало экран компьютера, когда после перезагрузки одновременно выскочили несколько обновленных приложений. Здесь были и растерянность, и злость, и страх.

Впрочем, немного погода загрузилась программа «добродушно-глуповатый, но старательный».

– Вы уж звиняйте, барыня, – сказал он, – рад бы вам ответить, кабы готов был. Хлеба – десять четвертей намолочено, можете сами в амбаре поглядеть. Сено... не очень, дождливое лето выдалось. Сколько смогли – взяли. Капуста уродилась, ее девки после Покрова рубить примутся. Сейчас-то они к празднику готовятся. Я им работы задам.

Похоже, я перестаралась, закидав старосту вопросами, – он умудрился не ответить на половину. К тому же осмотр был не окончен.

– Вот что, Селифан, – сказала я, – потом дашь мне полный отчет. Окончите молотьбу и отдохните.

Староста что-то промямлил, я покинула гумно, удачно обойдя лужи. Это было не так-то просто – уже стемнело.

Осмотреть амбар и сеновал? И кстати, найдутся ли дома свечи? Ох, вот с этим надо что-то решать, я же пропаду тут темными ночами, когда даже масло для лампадок надо будет экономить.

– Барыня, – услышала я тихий, смутно знакомый голос, – сделайте милость, выслушайте. Важное скажу! Уезжайте отсель, пока беды не приключилось!

Глава 9

Я обернулась и не без труда узнала прорицательницу. Это была Танька – девица, которой я поручила привести в порядок свою спальную каморку.

– Танюша, – сказала я, удачно подавив волнение, – Расскажи-ка подробней, что за беда такая приключиться может?

– Танька, что ты к барыне лезешь? – проворчала Павловна, к счастью не расслышавшая зловещих слов.

Девица не успела ответить няне, когда сзади нарисовался староста.

– Ты чо тут без дела шлендаешь? – спросил он. Танька чуть не вжалась в сарай.

Похоже, пришла пора решить вопрос о власти.

– Ты спаленку убрала? – спросила я. Девчонка только кивнула. – Тогда покажи-ка мне сад яблоневого. Проводи туда, а потом домой ступай.

– Эмма Марковна, проводить я сам... – начал было староста. Я перебила его повышенным тоном, да так, что сама себе удивилась.

– Это мне решать, кто какую услугу окажет! Да, голубчик, скажи-ка, будет ли завтра на барском столе хлеб свежий? Праздник как-никак. Ответь-ка!

– Эмма Марковна, так-то оно... – неуверенно начал староста. Я даже догадалась, что он хочет сказать «не моя обязанность». Эх, существует ли регламентация этих обязанностей?

Выручила Павловна.

– Не твое дело, сказать хочешь? Твое дело баб найти, чтоб испекли. А коль тебя бабы не слушают, пусть твоя Иванна печет, если ты хучь для жены своей указка.

Староста зло посмотрел на няню, но возразить не смог.

– Вот что, голубчик, – сказала я чуть тише, но столь же уверенно, решив не называть старосту по имени, – закончи-ка с молотью да обеспечь хлеб на завтра. Павловна, а ты ступай в дом и проследи.

– Проследить и без меня могут, – возразила няня.

Настал самый неприятный момент для любого начальника: подавлять волю хорошего, даже близкого человека. Ссориться с Павловной я не собиралась. Но определиться с иерархией придется.

– Милая моя, – постаралась я сказать одновременно громко и душевно, – ступай в дом. Лучше тебя никто не проследит. А по усадьбе меня и Танька проводит. Пошли, – велела я девке таким тоном, чтобы было ясно – разговоры на тему, куда кому идти, кому что делать, окончены.

Я развернулась и пошла в ту сторону, где, по моему предположению, был сад. Сзади донесся сердитый спор старосты и няни, но, как я поняла, сами приказания они не оспаривали.

Идти было недалеко. В садоводстве я в последние годы разбиралась неплохо и тут же поняла, что на выбраковку годится каждое пятое дерево.

– Какая беда грозит? – спросила я Таньку. – Говори, не бойся.

– Старая барыня здесь ни года не жила, все у брата хозяйствовала, – неуверенно вздохнула Таня. – А без барыни, понятное дело, вольготно живет. Не всем, конечно, а кто хитер. Барыня, когда уехала к братцу своему, оставила Федорыча ключником и бурмистром, чтобы за хозяйством наблюдал и ей присылал доходы. Вот только и года не прошло, как Федорыч на Масленицу замерз.

– Это как? – спросила я, разглядывая одинокое красное яблоко, сохранившееся на голой ветке.

– Шел от кума, упал в сугроб, когда нашли – замерз уже. Стала ключницей его жена Настасья, да и она недолго прожила. А я слышала перемолвку старосты и старостихи, мол,

барышня-то дотошная, в первый день в доме раскомандовалась – то ей не нравится, это не годится. Иванна-то и говорит: барышня нежная, такой замерзнуть да богу душу отдать – дело плевое. А еще того раньше – от печки угорит, как бог есть.

Несмотря на то что вечер был теплый, меня пробрал легкий морозец. Ничего себе, милое поместье! Я ожидала ужасов, но больше хозяйственных. А тут того и гляди обратно на тот свет отправят.

На секунду меня захватила мысль – а что, если таким способом можно вернуться на свою уютную дачу под Зеленогорском, к мужу, электричеству и хорошей медицине?!

Но я сразу отогнала этот соблазн. Не может быть все так просто. И Мишенька... не оставляет меня надежда, что он тоже где-то здесь. Сама не понимаю, откуда взялось, а вот тянет внутри, свербит. Нужно выживать и искать.

– Понятно. Спасибо, голубушка, за предупреждение. Я разберусь. А пока скажи, милая, молодые деревья есть? А ягодные кусты? Где тут, кстати, огород?

М-да. Сумерки немного сгладили впечатление, но ягодный сектор сада и огород имели весьма жалкий вид. Смородину и малину, похоже, никто не подрезал. Я нарвала смородиновых листьев – хоть какой-то чай, когда запас кончится.

Огород выглядел еще печальнее, чем сад. Кривые лысые грядки утонули в грязи. Капусту еще не сняли, она мокла под дождем, расстелив в лужах нижние листья. О картошке Таня не слышала, даже переспросила.

А вот это жалко, конечно. Ведь этот полезный корнеплод есть в империи, я точно знаю. Но в широкое употребление пока не вошел и еще лет тридцать не войдет.

Значит, надо позаботиться, чтобы у меня эта культура была. А где взять семенной фонд? Хм... память Эммочки внутри меня внезапно встрепенулась и словно на ухо нашептала: у немцев в городе! Уж они-то по огородам картошку сажают – только в путь!

Вот и ладненько, вот и ясненько. Но это дело можно до весны отложить, кто ж картошку в зиму сажает. Здесь поважнее есть дела.

Например, как не угореть и не замерзнуть в этой развалине.

Откровенно убивать меня староста с женой побоятся. Я все же дворянка, да не без родни. Мало ли какие у нас между собой счеты, а если я сгину, здесь моментально тесно станет от полицмейстеров, дяденькиных холопов с дубьем и даже солдат. В те времена с этим было строго – сословное уложение, корпоративная солидарность дворян против бунтовщиков и вот это все.

Но вот грибочков особенных в щи положить или выюшку задвинуть раньше времени – разве ж трудно? И никто не виноват, а если и виноват, так вместе с барыней молодой угорел! Наверняка это ее слуги набедокурили!

М-да. Проблемка. Ну да ничего, я тоже не лыком шита. Сегодня же прикажу, чтобы пока что готовила мне только Павловна. Сама бы щец сварила, да нельзя – не по статусу. И это не шутки: если начну вести себя слишком уж оригинально, и дворня слушаться перестанет, ослабит сумасшедшей, и родня может подсуетиться, сплавить в приют для душевнобольных или монастырь – не знаю, как у них тогда было положено. А остатки имущества прикарманит.

Кстати, интересный вопрос: так ли заинтересовано само «имущество» – крестьяне – в том, чтобы оказаться у нового барина? Другого хозяина, да того же дядюшку, такое отношение к работе не устроит...

– Барыня, шли бы вы в горницу, темно уж совсем. – Танька так и ходила за мной по пятам, пока я гуляла между кривыми яблонями и пересчитывала полуутопленные капустные кочаны. – Не ровен час, застудитесь или споткнетесь!

– Да, милая, идем, – кивнула я, оставляя на время свои размышления. – Пора ужинать.

Танька ответить не успела, потому что откуда-то со стороны двора послышался дикий визг, а потом отборный мат.

Что еще случилось?!

Глава 10

– Черт, черт! Нечистый! – подвывала Иванна, сидя прямо в луже между моим возком и крыльцом. – Чур меня! Чур! Нечистый!

– Что здесь происходит? – спросила я у перепуганного Селифана. Вокруг толпились неясные тени остальных дворовых, потом с крыльца сбежала Павловна со свечным огарком, который она заботливо прикрывала от ветра ладонью.

– Нечистого вы привезли, стало быть, барыня, – промямлил староста и наградил меня таким взглядом, что захотелось совсем нецивилизованно отвести ему пинка. И не потому, что я барыня, а он крепостной, а потому, что терпеть не могу злобных дураков.

– А ну, разойтись всем! А ты, глупая баба, вылезай из лужи и толком скажи, что тебе там примерещилось! – Я совсем немного повысила голос. Все же не зря работала в свое время на комбинате, где орать было бесполезно. Шум стоял такой, что все были вынуждены глотку драть в обычном разговоре. Приходилось иначе воздействовать на подчиненных. Вот и сейчас одной интонацией удалось прекратить невнятные завывания старостиной жены.

Я уже в целом догадалась, что произошло. Эта любопытная зараза полезла в возок. Ну и наткнулась на Аришу. А та, не будь дура, в темноте ее напугала. Нарочно или нет – потом разберусь.

– Я пошла проследить, как девки на завтра стряпают, – начала Иванна, стряхивавшая грязь с подола. – Мимо возка прохожу, а там кто-то возится! Ну я и подумала... Сунулась внутрь, а там страх божий! Как рыкнет да глазами огненными пронзит! Я и обмерла...

Угу, обмерла она. Я чуть не оглохла от этого обмирания. К тому же, несмотря на полутьму, я разглядела во взгляде старостихи едва скрытое опасение. И догадалась какое.

– «Мимо возка прохожу», – передразнила я Иванну, – дай, думаю, загляну в барский сундук. Так было? – буквально выстрелила в старостиху вопросом. И впиалась взглядом в ее глаза.

Иванна покраснела, и если и планировала вранье, то не решилась.

– За всем в поместье глаз нужен, – неуверенно сказала она.

Что же, это хороший шанс сменить тему разговора.

– За всем, за всем, – опять передразнила я. – И за барским возком, и за барским домом. И за всеми вещами барскими, да?

Иванна поняла, куда свернул разговор. Пожалуй, нечистой силы она побаивалась меньше, чем барского гнева.

– То-то я видела сегодня, как за барским буфетом присматривали, – сурово продолжила я. – Мышь на пустой полке от голода повесилась.

Похоже, старостиха не знала этой современной метафоры, связанной с холодильником.

– Эмма Марковна, взаправду повесилась? – со страхом произнесла она.

– А тебе часто बारे врут? – ответила я вопросом на вопрос. – Ступай на кухню и радуйся, что праздник завтра. Или еще поговорить хочешь?

Иванна с опаской покосилась на возок, но повернулась и убралась. Ни ее мужа, ни остальных дворовых поблизости уже не было. Похоже, они испугались вопросов об интересе к барским вещам.

Пожалуй, надо этим воспользоваться и вызволить «нечистую силу». Тем более темно.

Ариша и сама мелко крестилась, терла красные от сна и слез глаза и попыталась с ходу бухнуться барыне в ножки с причитаниями, что никакой нечистой силы отродясь не видывала. А когда кто-то незнакомый в возок заглянул, уж сама не помнит, что закричала со страху.

Пришлось еще ее и успокаивать. А потом, выставив Павловну на шухер, красться с девчонкой под тулупом в каморку. Там уже проще было – догадливая нянюшка постелила войлок

под лавку, а одеяла набросила так, чтобы они свисали до пола. Так что спрятать контрабанду не составило труда.

Я оставила Павловну разбираться с тем, как Ариша под той лавкой будет есть, пить и ходить на горшок, а сама отправилась в столовую. Цельные свечи в доме пока что не нашлись, одни огарки, да еще светили масляные лампадки перед иконами. При таком освещении много не наинспектируешь, но я все же оторвала затхлые обои в углу и пощупала бревна. Так-так-так... есть у меня мыслишка. Но озвучу я ее завтра.

А сейчас ужин. Опять гренки и людские постные щи. Я поела без опаски, вряд ли Иванна так быстро нашла бы поганку и рискнула бухнуть ее в общий котел. Тем более эту самую эффективную поганку, например бледную, еще найти надо. Пока так поедим, а дальше посмотрим.

Захотелось запить ужин чем-то горячим. Вспомнила про смородиновые листья. Решила было послать Павловну на кухню, но та кряхтела без всякой наигранности – уходилась за день, и я решила дойти до кухни сама, используя в качестве переносного светильника свечной огарок.

Коридор между столовой и кухней был короток и широк. Проектировщик внутридомовой логистики позаботился, чтобы прислуга с кастрюлями в руках не упала. Поэтому мое порожнее путешествие тоже увенчалось успехом.

На кухне оказалось неожиданно светло. Освещали ее несколько батарей лучинок в поставках. Я улыбнулась простому техническому решению: лучинки пылали над лоханями с водой, поэтому давали двойное освещение – и огонь, и отражение.

Две бабы месили тесто, третья приступала к работе. Я велела ей найти чайник и заварить листья – к счастью, баба со второго захода поняла приказ. После этого я спросила, для чего месят тесто.

– Так это, барыня, пироги на завтра, – ответила одна. – Их всегда в праздник пекут, для людей в доме и церковного причта.

Оказалось, что пироги самые простые, с кашей и с грибами. И тут у меня появилась идея:

– А замесите теста побольше, испеките вдвое. Если начинки не хватит – просто калачиков налепите.

Бабы стали вздыхать и говорить про Иванну, но я ответила, что теперь решает не она, а если сегодня они задержатся, то я за внеурочную работу сниму с них день барщины. Эта идея им понравилась, а так как чайник уже вскипел, я вернулась в столовую. Разумеется, чайник несла баба – я уже поняла, что это не барское дело, да и ходить темным коридором ей было привычно.

Еще не войдя в столовую, я поняла, что Павловна с кем-то говорит:

– Зачем приперся? Какое дело до барыни?

Глава 11

Я и двух часов не провела в потемках, а глаза уже адаптировались. Поэтому визитера разглядела сразу. Это был Алексейка.

– Дело тайное для Эммы Марковны, – сказал он. – Ой, барыня!

«Опять меня убить собрались? – с печалью подумала я. – Не много ли на один-то вечер?»

Дополнительные секреты от Павловны, пожалуй, не нужны. Это единственный близкий человек, обижать его нужно в последнюю очередь.

– Алексей, садись и говори свое тайное дело, – устало сказала я.

Несмотря на сумрак, я разглядела удивление и даже недоверие в глазах парня. Скорее всего, это относилось к праву садиться при барыне. Наконец он сел на край стула и начал тихим голосом:

– Мой батя иногда в дом приходит, по разным железным работам. Ну и меня берет.

– Твой батя – кузнец? – спросила я.

Алексейка кивнул и продолжил:

– Ключница Настасья звала его, если замки менять приходилось. Батя мой с мелкой работой тоже справлялся и меня учил. А как стала помирать Настасья, взяла клятву с меня, что я в большую кладовую Селифана с его бабой не пушу. Так и подучила: замок испорти и объяви – не буду замок ломать или дверь, пока барыня не пришлет записку, что, мол, теперь Селифан ключник и право имеет в любую кладовую войти. Уж как староста ругался... Но меня с отцом дверь взломать не заставил и сам не решился. Барыня-то ему позволения так и не прислала, мол, сама приеду, при мне дверь и откроем.

– Так сколько же кладовая закрытой простояла? – спросила Павловна.

Даже в темноте было видно, как Алексейка наморщил лоб.

– Пожалуй, с прошлой Пасхи, – произнес он наконец.

М-да, полтора года. Надеюсь, в этой таинственной кладовке не хранились вареные колбасы, скороспелые сыры и прочие нежно-органические вещи.

– Так что, барыня, – несмело сказал Алексей, – батя мне велел: ступай в усадьбу и расскажи Эмме Марковне про кладовую, а если она захочет – так и открой. Работа невелика, гвоздь в замок даже не забит, так, вставлен и воском залеплен.

Павловна заохала, предложила отложить экспедицию до светлого времени суток. Но хотя я и устала, спать не хотелось. К тому же не зря же парень тащился на ночь глядя со своим слесарным мешком.

– Пошли, – сказала я.

Операция оказалась легкой и почти бесшумной. Уже через десять минут мы втроем оказались внутри двух комнат, уставленных корзинами, бочонками, ящиками и различными бутылками. Пусть немалая часть тары оказалась пустой, удалось найти некоторые ценности.

Первое и, пожалуй, самое своевременное открытие – вязанка кривоватых и тонких восковых свечей. Парочку из них я немедленно зажгла, чтобы осветить помещение.

В кладовой нашлась целая алкогольная коллекция – десяток огромных бутылей с настойками. Одну из них я даже попробовала – Павловна долго вытирала передником горлышко бутылки, а потом принесла чашку. Напиток был умеренно резким и крепостью не меньше тридцати градусов, впрочем, с приятным вишневым послевкусием. Несмотря на ворчание няни, я разрешила угоститься Алексею, уж очень любопытно блестели его глаза в свете свечей. Парень слегка поперхнулся, доказав тем самым, что он не особый любитель.

В некоторых бутылках была не настойка, а медовая ягодная наливка. Но меня особенно порадовали две большие склянки с уксусом. Этот натуральный химикат пригодится непременно.

Также порадовали мешки с окаменевшей, слежавшейся солью. В таком виде, конечно же, в солонку ее насыпать было неэстетично. Но свойства она явно не потеряла.

Нашлась также здоровенная бутылка с лампадным маслом. Литров на шесть-семь! Вот эта находка обрадовала меня больше других. Я тут же отправила Павловну в буфетную за стаканами – видела там что-то такое пыльное и не слишком тонкостенное, но достаточно прозрачное. Няня вернулась минут через пять, ворча и ругаясь как на местную ленивую дворню, так и на барышню, которой невеста что в голову взбрело.

Но когда я сделала из этих стаканчиков две «вечные» свечи, Павловна замолчала. Да и Алексей только удивленно моргал. Дело в том, что лампадки возле икон давали так мало света, что с ними можно было и не считаться. А вот свеча в стакане с маслом горела ровно, лепесток огня вытянулся длинненький, красивой формы. И светил гораздо ярче.

– Свечи экономить надо, – пояснила я удовлетворенно. – А масла тут целая бутылка. На первое время сойдет.

Дальше-то я разберусь. Недаром полжизни проработала технологом в цеху. На комбинате «Красный треугольник». Я не профессор химии или там истории. Но интересовалась, а с мужем на даче в девяностые много на чем экспериментировать пришлось. Я и спиртовку сооружу, и керосин добуду, и даже газовую горелку смогу, дайте только время... и ресурсы.

Надо сесть и записать, что у нас есть. И что я смогу сделать. Я здесь попаданка или кто, в конце концов? Мишенька обожал книги про попаданцев во времени и прогрессоров, вечно зачитывал мне куски, пока я тоже не увлеклась. И теперь у меня есть возможность попробовать на практике, как оно.

Ох, глаза б мои не видели эту возможность... но увы.

Павловна притащила из буфетной еще два стаканчика, и дальше мы пересчитывали остатки былой роскоши при вполне комфортном для привыкших глаз освещении.

Что хорошо – нашлись грязноватые, но вполне приличные одеяла – три штуки, пуховики-перины, еще три штуки. Подушек с пяток. Ни моль, ни перьевой клещ их поест не успели, и я уже наметила на завтра грандиозную стирку, но тут вспомнила про Покров. Ладно, после праздника перестираем. Просто постелить вот это вот и лечь я бы не рискнула. Тут дезинфекция нужна.

Порадовали также несколько отрезков ткани – пестренький, но вполне добротный ситец, неплохая шерсть. Всего по паре-тройке метров, но мне еще ребенка одевать и самой что-то носить помимо выходных платьев Эммочки. Да и дворня одета в какую-то непотребную рвань, даже Иванна и Селифан не слишком-то выделялись на общем фоне.

Съестного в кладовой не было, здесь продукты хранили в амбарах и погребах. Зато нашлась еще одна бутылка с лампадным маслом – на этот раз поменьше, литра на три.

Мы уже перебрали почти весь хлам, которого было тоже достаточно, когда Павловна вдруг заприметила в дальнем углу что-то интересное.

– Гляньте-ка, барышня! Никак это вашего батюшки барина! Вот диво, не покрали!

Глава 12

В импровизированной спальне было душно, Павловна храпела, Ариша тихо посапывала, но все равно я выпалась. Пробудившись, первые пару секунд пыталась нащупать мобильник и понять, как я оказалась в этом отеле.

Потом все вспомнила. И еле удержалась, чтобы не закричать от ужаса. Где Миша? Почему я его еще не нашла?

Взяла себя в руки. Если паниковать, то ни-че-го не сделаю. Есть только один вариант: освоиться в этом мире, выжить самой. И только после этого постараться понять, что же произошло. Искать мужа. Если же нырнуть в страх и тоску, как во вчерашний пруд, то никому я помочь не сумею.

Практический же рецепт был прост: как можно скорее встать и взяться за дела. Что я и сделала.

Заодно вспомнила мелкие радости вчерашнего вечера. В большом сундуке, закрытом на замок, обнаружилось медное оборудование, о предназначении которого я догадалась после ответа Алексея удивленной Павловне.

– Потому-то ключница Настасья так кладовую и блюла. Не желала, чтобы винокурный прибор на сторону ушел.

Да, это был настоящий перегонный аппарат. Я вспомнила, что когда-то в России дворянское сословие имело право изготавливать крепкие спиртные напитки для своего потребления, а также сдавать их казне. Вот откуда такой запас настоек! Старый барин, видимо, занимался любительским винокурением, а барыня этот процесс забросила, услаждая себя малиновыми и голубичными наливками – они и слаще, и слабее. Аппарат был помещен в сундук. В нем же я обнаружила еще одно наследие старого барина, не востребованное после его смерти: коробку с двумя старинными пистолетами. Я пока оставила все как есть, только попросила Алексея запереть сундук. И отправилась спать, отдав распоряжения на утро.

Павловна распорядилась, и, едва я опустила ноги на холодный пол, девица внесла таз с водой и поставила на табуретку. Я уже поняла, что в этой усадьбе особой комнаты для умывания нет и ей может стать любое помещение. Умылась холодной водой, обтерлась относительно чистым полотенцем и стала одеваться в тусклом свете из окошка.

Если мой вчерашний наряд следовало назвать «дорожным», то сегодня я надела лучшее платье и парадные туфли. К счастью, распогодилось и, кажется, даже подсохли самые одиозные лужи во дворе. Сам храм был на горке, и дорожка к нему оказалась почти сухой.

Священник ждал меня в церковном притворе. В институте благородных девиц я пребывала безвыездно четыре года, да еще потом три вдали от родного крова. Так что помнил он девочку-подростка, а сейчас беседовал со вполне взрослой барышней.

Кстати, из воспоминаний самой барышни я почерпнула, что на пути в дядюшкино поместье она остановилась в Тихвинском монастыре, исповедалась, покаялась в грехах, получила отпущение и какую-то совсем скромную епитимью. О чем я и сказала отцу Даниилу. Он облегченно вздохнул: вряд ли бы я поведала ему о каких-то прежде неизвестных девичьих грехах, а вот знать барские тайны священнику совсем не хотелось.

Что же касается храма, то был он каменный, построенный, когда «Голубки» знали лучшие времена и помещик был богат. Неизвестный архитектор явно взял за основу столичный барочный проект.

Зазвонили колокола, нестройно, но громко. Минут за пятнадцать храм наполнился сельскими жителями.

Освещение было естественным – несколько свечей погоды не делали. Но все же я смогла составить некоторое представление о моих новых сотрудниках, или подчиненных. На самом деле, моей собственности, как бы дико это ни звучало.

Оделись крестьяне так хорошо, как только могли – половина мужиков в новых лаптях, остальные их просто почистили от грязи и намотали свежие онучи. На голове у баб – светленькие платочки. Негромко переговаривались, вставали на привычные места. То, что барыня смотрит на них с хоров, узнали скоро, но лишь иногда бросали быстрый взгляд наверх.

Вообще-то, их тоже можно понять. Это ведь абсолютно подневольная рабсила, в прямом смысле слова. И никакого стимула лучше работать у них нет. Социальный лифт? Разве что стать сельским старостой или бурмистром. Материальная заинтересованность? Сколько четвертей ржи они ни намолотят, дополнительного дохода не будет. Остается только страх – высекут на конюшне, может, сдадут в рекруты. Надо, кстати, выяснить, какая была практика у прежней барыни.

Так что никаких стимулов. Такие подчиненные, как Алексейка, – клад. Надо подумать, как и остальных заинтересовать в результатах труда.

Служба между тем шла своим чередом. Я знала, что иногда сельские попы, впервые став настоятелем храма, устраивали богослужение по полной, часа на три-четыре, по Типикону, чтобы паства поняла: поп серьезный, все знает, все понимает.

Между тем дошло до освящения хлеба, плодов и елея – растительного масла. А также молитв с просьбой уберечь от «града, труса и нашествия иноплемennых». После чего батюшка перешел к проповеди. Напомнил о недавнем нашествии иноплемennых, удачно отраженном. Что такое «трус», уточнять не стал – видимо, все знали.

Я улыбнулась – интересно, хотя бы раз в истории этого села на Среднерусской равнине был «трус» – землетрясение? И тут же вспомнила другой катаклизм, случившийся именно в 1815 году. Не землетрясение, а другое событие, очень часто с ним связанное.

Какая тема-то интересная! Не забыть бы о ней. Тем более прямо сейчас отец Даниил должен сделать очень важное заявление для паствы.

Может, вчера я устала, но тогда лица мужиков показались мне если не глупыми, то уныло-безразличными. Сейчас же впечатление оказалось иным. Похоже, барщинные мужики и дворяне были готовы включать дурака перед барином, точнее, барыней, способной в любой момент отправить их на какую-то работу. Сегодня же, в праздник, такая мимикрия была им не нужна. Или они опять ее включают, когда я к ним обращаюсь?

Глава 13

– А еще скажу, – завершил проповедь отец Даниил, – боярыня Эмилия Марковна поздравляет вас с праздником и приглашает всех в усадьбу на угощение.

Толпа отозвалась удивленным вздохом. Видимо, такие отношения между помещицей и крестьянством были непривычны. Но от приглашения не уклонился никто.

Угощение, конечно же, оказалось самым простым: на козлах положены доски, а на досках – чашки с хлебным вином и корзины с пирожками и крендельками. Насчет посуды пришлось выдержать небольшую войну с Павловной. Она неохотно согласилась выделить самые щербатые чашки из тех, что нашлись в буфете. И все время ворчала, мол, ироды, потом и так брагой дома упьются, а самые неленивые питухи пойдут в соседнюю Васильевку, в кабак. Я пропустила воркотню мимо ушей – пусть поругается, раз человеку приятно.

На отдельном столике, накрытом скатертью, были пироги и рюмки – для меня, отца Даниила с дьячком, звонарем и хором – четырьмя голосистыми мужичками. Сюда же пришлось пригласить старосту, правда, поручить ему, чтобы был порядок.

Это оказалось излишним. Мужички и бабы держались на барском дворе настороженно и не кинулись на вино и закуску, как я опасалась. Пришлось даже их подбадривать. Поп благословил трапезу и сам подал пример, все выпили и закусили.

– А теперь, братья и сестры, боярыня Эмилия Марковна речь держать будет, – сказал батюшка.

Я улыбнулась – уже поняла, что в православных святцах Эммы нет, поэтому меня окрестили Эмилией. Но тотчас же стала серьезной: толпа замолчала и ждала моих слов с интересом. А может, и страхом.

– Спасибо, мужички, – начала я, – спасибо, что хлеб до дождей убрали и сено заготовили.

Речь я готовила заранее и постаралась, чтобы она оказалась максимально короткой.

Потом я добавила, что буду здесь жить и никуда не собираюсь, и заметила печальную гримасу на физиономии старосты. Напомнила о давнем царском указе, что нельзя гонять на барщину больше трех дней в неделю, обещала соблюдать по мере возможности, но за особую службу и поблагодарить отдельно.

– И вот еще что, – добавила я. – Хочу, чтобы хозяйство мое прибытки приносило. Кто будет мне верный помощник в этом деле, – думала сказать «раб», как тут принято, но рот не раскрылся, – кто будет стараться, то с тем, как с вольным человеком, поделюсь от прибытков.

Толпа ахнула. Похоже, такого мужичкам еще не предлагали.

После этого я замолчала. Священник благословил паству, и скромный фуршет почти закончился. Почти, потому что Павловна среди утренней воркотни подала важный совет: пригласить священника со всем церковным причтом в дом и отдельно угостить рыбным пирогом. Я уже поняла, что в новом-старом мире, в котором пришлось обживаться, иерархия, а проще говоря неравенство, – необходимая составляющая. Так что крестьяне пошли по избам, а я с избранной компанией – в дом.

Поп начал со мной беседу об урожае. Я не знала, как ее поддержать и стоит ли поговорить о девке Арише. И тут дьячок обратился ко мне с неожиданным вопросом:

– Эмма Марковна, извините, вы же боярыня с царским образованием.

Я не сразу сообразила, что речь о Екатерининском институте, и кивнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.